

А. В. Помялов

ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА В РОМАНЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ»

*Работа представлена кафедрой литературы
Череповецкого государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. А. Пономарева

В статье на примере романа «Священная книга оборотня» анализируется отношение Виктора Пелевина к проблеме художественного творчества. Главная героиня произведения, по сути, является альтер эго самого автора, поэтому именно через призму образа лисы А Хули Пелевин рассматривает такие важные для него вопросы, как соотношение объективной реальности и авторской субъективности, место одаренного человека в структуре общества.

Ключевые слова: художественное творчество, амбивалентность, талант, притворство, трансформация, оборотень.

The attitude of Viktor Pelevin to the problem of creative work is analysed in the article considering the novel «The holy book of the werewolf» as an example. The main female character of the work is

actually the author's alter ego. That is why through the image of the vixen A Khuli V. Pelevin considers the issues that are so important for him: correlation of the objective reality and the author's subjectivity, a place of a talented person in the social structure.

Key words: creative work, ambivalence, talent, pretence, transformation, werewolf.

В отличие от своих ранних произведений, где интерес Пелевина в первую очередь, останавливается на внешней действительности, специфике жизни в России, метаморфозах, происходящих с его поколением и страной в целом, то в романе «Священная книга оборотня» автор обращается к другой из излюбленных тем постмодернистской литературы – теме двойничества или оборотничества. Но эта проблематика интересует Пелевина не столько в узком смысле типичной для художественного метода трюичной парадигмы, в которую входят понятия «норма», «аномалия» и «преодоление нормы», сколько в соотношении автора произведения, художника слова и читателя.

Но почему же для объяснения феномена художественного творчества Виктор Пелевин выбирает такую замысловатую и странную на первый взгляд метафору – оборотень? Оборотень, как бы это странно ни звучало, вполне типичный российский символ. Например, писатель и журналист Дмитрий Быков уверен, что сознание русского человека «двойническое» по своей сути. «Русский характер бесконечен в оба конца: бескрайняя удаль то и дело оборачивается зверством, доброта – тотальным контролем и навязчивостью, крайняя свобода – крайним угнетением, как у Достоевского. Оборотничество – главная примета России... У нас все с изнаночкой, с двойным дном, с тайным внутренним содержанием (почему матрешка и воплощает собой Россию: снял слой – а там всегда еще один, и никакой гарантии, что под румяной и улыбочивой матрешкой № 1 не таится матрешка № 2 с такими вот зубами)» [1, с. 17].

Рассказ в романе ведется от первого лица лисы А Хули, основного альтер эго автора. Это человек-лиса, способная внушать при помощи своего хвоста бесхвостой

обезьяне, т. е. человеку обычному, любую реальность. Автор не скрывает, что под метафорой оборотня он понимает писателя или любого другого человека, создающего некие творения при помощи собственного ума. Лисы с помощью хвоста внушают людям придуманный ими другой мир, трансформируют восприятие, дурачат и играют одновременно. Такие действия помогают достигать определенных целей – заработать себе на жизнь, получить какую-либо информацию или просто приятно провести время. Лиса – это по большому счету самая точная метафора писателя. Наваждение или морок, который они наводят, – это метафорическое понимание процесса творчества. В «Священной книге оборотня» Пелевин отходит от высказанной еще в романе «Чапаев и Пустота» мысли, что процесс творчества полностью подвластен автору-демиургу. Писательство – это тайна, его механизм загадочен и необъясним. «Хвост – орган, с помощью которого мы создаем наваждения. Как мы это делаем? С помощью хвоста. И больше тут ничего не скажешь. Разве человек, если он не ученый, может объяснить, как он видит? Или слышит? Или думает? Видит глазами, слышит ушами, а думает головой, вот и все. Так и мы – наводим морок хвостом. А объяснить механику происходящего в научных терминах я не берусь» [4, с. 21].

Но если процесс писательства не может поддаваться какому-то логическому объяснению, то содержание, конструкция литературного произведения полностью зависит от воли творца. Он руководствуется разумом и всегда контролирует процессы, протекающие в художественном тексте. «Лисы, как женщины, способны дурачить только других, но не себя, и живут за счет чувств, которые вызывают. Но женщины руководствуются инстинктом, а Лиса разу-

мом, и там, где женщина движется в потемках и на ощупь, Лиса гордо идет вперед при ярком свете дня» [4, с. 27].

Вслед за французскими постструктуралистами Виктор Пелевин считает, что автор больше конструктор, чем создатель. Он не создает какой-либо новый культурный объект, он скрепляет воедино разномастные высказывания, культурные коды, камертоны смысла. В итоге получается текст, который легко разложим на составные части, цитаты и заимствование, но как и любой оборотень, так и любое истинное произведение искусства не может быть сводимым к простому их сочетанию. Именно талант и дар писателя помогают тексту преодолеть разнородность своих частей и стать самостоятельным и самобытным культурным объектом. «Лиса, как и Женщина – естественная либералка, демократ, примерно как душа – природная христианка. Если она слышит какое-либо суждение – она обязательно его выскажет от своего первого лица. А как быть? Своих мнений по основным вопросам у нас нет, а говорить надо. Если лисам говорят что-то запоминающееся, они почти всегда повторяют это в разговоре с друзьями» [4, с. 31].

Оборотни, они же всякого рода писатели, – это особые существа, чья сущность заключается в притворстве, способности к тотальному перевоплощению и мимикрии, позволяющей им создавать для других любой мир, любую даже самую нелепую реальность. Не зря во многих интервью Виктор Пелевин называет одним из своих любимых писателей Ханса-Кристиана Андерсена, раз за разом, цитируя его слова о том, что настоящий художник может писать о чем угодно, для него нет никаких преград и барьеров, его не может и не должна ограничивать внешняя действительность.

При этом создаваемый писателем симулякр всегда лучше оригинала, т. е. объективной реальности. «Стараешься изо всех сил объяснить другому истину, и вдруг понимаешь ее сам. Это для лис скорее правило, чем исключение. Чтобы понять что-то,

мы, лисы, должны кому-то это объяснить. Это связано с особенностями нашего разума, который по своему назначению есть симулятор человеческих личностей, способный к мимикрии в любой культуре. Наша сущность в том, чтобы постоянно притворяться... А если моя сущность в том, чтобы притворяться, значит, единственный путь к подлинной искренности для меня лежит через притворство» [4, с. 49].

Писатель полностью осознает, что находится интеллектуально, а иногда и нравственно, на несколько ступенек выше тех, кто окажется читателем его романов. Оборотень в человеческом обличье всегда превосходит натурального человека. В этом заключается еще одна из проблем, с которыми каждодневно сталкивается любой писатель.

По мнению Пелевина, все писатели делятся на истинных и тех, кто заслужил право называться писателем, только пользуясь зачастую незаслуженной любовью толпы. Но истинным писателем невозможно стать – им можно только родиться, т. е. получить от рождения особый набор психических свойств, характерный для занятий писательством. Все остальные варианты приводят лишь к появлению графоманов, кои к настоящей литературе никакого отношения не имеют, но зато любимы в народе. «Перед нами – тайный механизм метаморфозы, приводящий к появлению Оборотней. Этот механизм заключается в присущем им особом психическом свойстве – ослабленного демонизма, или, другими словами, амбициозной слабости, более известной под ницшеанским термином “рессентимент”» [2, с. 29].

Писательский талант имеет не только одну сторону, на которой ты наводишь «морок», дурачишь читателя, внушаешь ему свое миропонимание и видение действительности, но и другую – трагедийную для самого творца. «Постепенно ты становишься заложником своего дара, своей профессии, ты не можешь больше не писать» [6, с. 92].

Но писатель, каким бы талантливым и даже гениальным он ни был, никогда не может полностью подчинить волю читателя. На место одних кумиров приходят другие, а человек постепенно перестает приписывать взгляд на вещи какому-либо творцу – он ассимилирует в себе полученную информацию, становится уже сам творцом новой реальности, а следовательно, по терминологии постмодернистской эстетики «лишает художника его власти над словом» [3, с. 49]. Может быть и более простой, но от этого не менее жестокий по отношению к писателю вариант – читатель постепенно забывает автора, движется дальше, открывает новых художников и, конечно же, получает новую порцию «галлюцинаций», которые зачастую могут противоречить мороку, наводимому предыдущим кумиром.

Виктор Пелевин на страницах «Священной книги оборотня» пытается найти выход из «писательского тупика сознания», обрести спокойствие, столь необходимое для настоящего творца. Единственный выход, который видит лиса А Хули, а вместе с ней и сам автор, – покаяние. Именно тема вины становится доминирующей во второй части

романа. Писатель испытывает вину не только перед читателем, которому он навязывает чуждую для него картину мира и идейные установки, но и перед самим собой. Пелевин виноват перед своим «я» в том, что его вообще заботит специфика процесса художественного творчества и его конечный адресат. «Для созидającego духа задаться вопросом, почему он созидает, губительно, а понимание для чего он создает – смертельно» [5, с. 39].

Таким образом, можно с уверенностью заявлять, что в анализе проблемы художественного творчества в романе «Священная книга оборотня» Виктор Пелевин не выходит за рамки традиционного постмодернистского понимания этого процесса. Автор считает, что писатель может лишь творить для самого себя, а сомнения и вопросы, присущие данному процессу, являются лишь препятствиями для достижения конечного результата – создания культурного объекта, значимость которого не в том, что он отражает объективную реальность и имеет какую-либо интеллектуальную или эстетическую ценность, а лишь в самом факте своего существования, как результат ума отдельно взятой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Быков Д.* Русский оборотень // Огонек. 2008. № 24. С. 17–18.
2. *Исхаков О.* Оборотни и вампиры среди нас. М.: Эксмо, 2006. 89 с.
3. *Маньковская Н.* Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.
4. *Пелевин В.* Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2004. 384 с.
5. *Ринпоче Т.* Блистательное величие. М.: Открытый мир, 2007. 480 с.
6. *Сорокин В.* Чуть-чуть обо всем // GQ. 2002. № 11. С. 89–94.